

Александр Степанович Грин

Обезьяна

Александр Степанович Грин

Обезьяна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=623055

Аннотация

Путешественник-натуралист после спектакля «Золотая цепь» приходит за кулисы. Где-то он это видел... Оказывается, однажды актеры сыграли этот спектакль «в африканском лесу... для стаи обезьян». И те до сих пор «обезьянничают» увиденные мизансцены...

Александр Степанович Грин Обезьяна

На третьем действии «Золотой цепи», поставленной после продолжительного перерыва в Новом Сан-Риольском театре, сидевший в ложе второго яруса Юлий Гангард, натуралист и путешественник, был несколько озадачен одной сценой, в отношении которой долго старался что-то припомнить, но безуспешно. Это был как раз тот момент, когда, по пьесе, смертельно раненный Ганувер падает и, лежа, протягивает руки к Дигэ, принимая ее за Молли, в то время как круг озверевших гостей, мерно ударяя в ладоши, вопит песню. Не песня, не каждое движение актеров в отдельности, но совершенно неуловимое стечение впечатлений, подобно легкому движению воздуха, вынесло Гангарда из театрального настроения в область неверных воспоминаний, – тронуло и прошло, оставив неутоленный след.

Некоторое время он был задумчив, рассеянно говорил со своим приятелем, почти не слыша его замечаний, и, когда занавес спустился, вышел один в буфет, где, стоя у прилавка, выпил коктейль.

Он думал, что странное веяние, коснувшееся его во время описанной сцены третьего действия, прошло, но, рассмотрев

толпу, заметил, как сквозь перебегающие обычные мысли возвращается, приближаясь и ускользая, настойчивое воспоминание, – с закрытым смыслом, в спутанных очертаниях сна. Оно было как твердый предмет, попавший в ботинок, – ощутительно и неизвестно по существу. Больше того, – оно вывело его из равновесия, требуя разрешения, и он стал самым положительным образом искать в памяти: что такое почти припомнилось ему во время игры.

В это время через шумную тесноту фойе пробирался, рассыпая улыбки, худощавый нервный человек с живым, напоминающим мартышку лицом, и, рассеянно взглянув на него, Гангард разом связал потуги воспоминаний в одно отчетливое и загадочное зрелище, которому был свидетель год назад, – очень далеко отсюда. Вновь встал перед ним лес, из леса вышли звери с мохнатыми, круглыми, человеческими глазами, и повторилось острое изумление, усиленное замечательным совпадением поз, – здесь, на сцене, и в лесу – там.

Продолжая думать об этом, он разговаривал теперь с одним из своих поклонников, молодым человеком, не умеющим отличить пули от пороха, но несмотря на это мечтающим или, вернее, болтающим о далеких путешествиях языком томного петушка, зачислившего себя б орлы.

– Скажите-ка мне, Перкантри, – прервал его трепет Гангард, – как театралу плохому и случайному, – кто это играл Ганувера?

– О! Неподражаемый Бутс, конечно, – сказал Перкантри,

изящно шевеля талией, – кстати, вы знаете его историю? Ну, конечно, знаете, и в строгих, каменных чертах вашего лица я уже уловил симпатию к Бутсу. Как же: он был в Африке, хотя и случайно. Он ехал в Преторию с трупой, ха-ха! – вы хотите сказать, Гагенбека? О, нет, сам великий Давид Патарон, антрепренер, вез его в первом классе; кормил конфетами и так мягко вспоминал о контракте, как будто горел желанием вписывать туда все новые и новые суммы. Да: «Сингапур» толкнулся о мину, после чего на шлюпках, при хорошей погоде и попутном ветре, вся братия высадилась где-то севернее или южнее Занзибара, – сказать не могу. Да, их потрепало, конечно, и там были экзотика, и таинственный лес, и хищные звери, и все. Ну, естественно, реклама чудовищная. Теперь Бутс здорово раздул щеки.

Сославшись на телефон, Гангард оставил Перкантри и пошел за кулисы. Он ничего не понимал, догадок у него никаких не было, но какая-то нить уже связывала актера и путешественника и, еще отчетливее, с большими, тревожно обращенными в прошлое глазами, увидел Гангард сцену в лесу.

Бутс, кончив роль, переоделся; уже брал он цилиндр, когда явился Гангард.

– Я не задержу вас, – сказал гость после обмена приветствиями, с наполовину искренней лестью. – Привычка говорить через переводчика научила меня экономно составлять фразы, и потому я кратко расскажу о странных наблюдениях моих на восточном берегу Африки. Сначала коснемся вашей

игры, вернее, – той сцены, которая повергла меня в недоумение. Я говорю о моменте падения Ганувера, когда он, стараясь поймать подол платья Дигэ, принимает ее за свою невесту, а гости, стоя вокруг умирающего, хлопают и поют.

– О! Я не был в ударе... – начал Бутс, но Гангард остановил его жестом.

– Ваша игра прекрасна, – сказал он. – Теперь слушайте. В лесу, в лунную ночь, я увидел на тесной, ярко озаренной поляне, как из чащи, спускаясь по лианам, вышло стадо обезьян-сопунов, довольно редкая разновидность человекоподобных.

Бутс стал вдруг крайне внимателен и, описав сигарой что-то подтверждающий полукруг, согласно кивнул.

– Итак, – продолжал Гангард, пристально смотря в напряженные глаза Бутса, – эти обезьяны, отчасти напоминающие кокетливо одетых в меха шоферов, особенно, если принять во внимание автомобильные очки и движения быстрые, как движения пальцев вяжущей чулок женщины, спустились с деревьев и наполнили поляну по странному сигналу своего предводителя. Был это фыркающий, тоскливый и глубокий, как вздох, крик, после чего на поляне произошло смятение, подобное фальшивой тревоге пожарного обоза, когда он выезжает на упражнения. Обезьяны толкались, бесцельно переходя с места на место. Часть их еще скакала по веткам, но скоро все сплотилось в одну сумасшедше-быструю кучу, и нельзя было понять смысл этого сборища. Наконец, крики,

тревожные, грустные крики знающих что-то свое зверей перешли в хор, в режущий ухо вопль, иногда просекаемый густым ворчанием самцов.

Но вот – все они расступились. В середине круга стало два зверя; согнувшись, руками касаясь земли, они гримасничали, блестя круглыми, в меховых очках, глазами, и один зверь, раскачиваясь, упал. Дикий крик издал он, пронзительный, резкий вопль, какой издает обычно антропоид, если его подстрелят. Он упал, стараясь схватить за хвост другого, который, увертываясь, вытягивал руки и потрясал ими, выказывая всем видом крайнее исступление.

Я, конечно, не помню мелочей общего движения этих шоколадных фигур в лунной пустоте чаши. Прошло несколько времени, когда, казалось, видя всеобщее замешательство, они перейдут в драку, но упавшая обезьяна оставалась лежать по-прежнему среди некоторого свободного пространства, и я не видел ничему объяснения. Тогда, – обратите на это внимание, – круг обезьян, утихнув, привстал, окружив лежащего в середине теснее, и некоторые из них, медленно покачивая головами, стали соединять и разъединять руки, правда, не хлопая, но совершенно так, как в глубокой рассеянности поступает человек, – трогая рукой руку, не зная, то ли потереть их, то ли, сжав, на чем-то сосредоточиться. Это движение, этот однообразный жест, полный грустной механичности, вскоре стал общим, после чего на высоте дерева раздался короткий крик, и, соскочив оттуда в гущу действия,

вновь явившаяся обезьяна стала поднимать лежащую.

Вот, собственно, все. Когда Молли, – ваша блестящая, высоко даровитая артистка Эмилия Аренс, прибегает к раненому Гануверу и поднимает его, в то же время разгоняя хищную толпу самозванных гостей, я вижу, что ее драматический момент в точности совпадает, – конечно, в грубых чертах, – с поведением той обезьяны, которая спустилась с дерева; она зарычала. Круг обезьян отступил и рассеялся. Все смешалось. Лежавший зверь тоже вскочил, и произошло обычное, бессмысленное для нас скаканье взад-вперед, после чего целый дождь пружинных прыжков разнес все сорище по окружающим полянам деревьям, и, еще несколько повозившись на высоте, сопуну скрылись, а я вернулся в палатку, чувствуя, что подсмотрел нечто, едва ли встречаемое натуралистами.

Крайне заинтересованный, я провел на этом месте еще три ночи подряд, и каждый раз, с несколькими вариациями, сопуну проделывали это же непонятное действие. На четвертую ночь я подстрелил одного из них, – именно того, который падал посередине круга, желая узнать, не является ли какое-нибудь органическое страдание зверя причиной этих ночных загадочных сорищ. Итак, – но... хочу ли я что-нибудь сказать этим? Нет. Я только рассказал факт.

– Где это происходило? – спросил Бутс, едва Гангард смолк.

– На морском берегу, между Кордон Брюн и устьем небольшой речки, называемой туземцами Ис-Ис. На картах

она отмечена не везде.

– Мы выехали из Кордон Брюн, – сказал потрясенный актер, – выехали на нефтяном пароходе, – но скажите еще одно, не начинается ли длинный овраг от песчаной полосы – там, где вход на эту поляну?

– Да, и я пересек овраг в отдаленном его конце.

– Отдаленном от моря?

– От моря.

– Пройдя большие серые камни?

– Их пять штук, они расположены прямой линией под углом к лесу.

– Слушайте, – сказал, помолчав и усмехаясь, Бутс, – на этой поляне я и мои товарищи, между прочим, небезызвестная в Европе Мери Кортес, разыграли, от нечего делать, для себя и для прочей спасшейся публики третье действие «Золотой цепи». И стая обезьян собралась смотреть на нас. О! Я все хорошо помню. Их так густо нанесло вокруг по вершинам, что кое-кто хотел выстрелить, чтобы их разогнать, так как они иногда мешали своим сопением и чрезвычайным волнением, но Мери Кортес взяла их под свою защиту, объявив, что им выданы контрамарки. Да, мы весело провели несколько дней, – по-африкански весело. Теперь что же? Как вы объясняете все?

Гангард долго молчал.

– Я, кажется, напрасно застрелил сопуна, – сказал он с внезапной неподдельной грустью, что-то обдумывая. – Да,

конечно, так, дорогой Бутс. Эти впечатлительные нервные существа были, надо думать, поражены действием. Они видели притворное горе, и притворную смерть, и притворную любовь во всей недоступной им человеческой сложности и, ничего не поняв, все же что-то оставили для себя. Им прозвучал сильный призыв из навсегда закрытого мира. Увы! бедняги могли только перенять внешность и тщательно повторять ее. У вас никогда не было более потрясенных зрителей. Мы встретимся поговорить об этом подробно, а пока что я так расстроился, что поеду домой, и, не сердитесь, – пришлю вам чучело моего сапуна. Это ваш меньшой брат – маленький Бутс.